

ОПТИНА

Они ехали, в основном, молча. Ровно работал двигатель. Опытный водитель Иван Александрович Люшин не мучил его и скорость выбирал оптимальную. «Волга-универсал» была тяжело нагружена: трое мужчин и две женщины, запасные детали и колеса на случай поломки, а еще багаж. Багажа было много – до самого верха большого заднего отсека универсала.

Молились, иногда обменивались впечатлениями и воспоминаниями, иногда, правда, редко, ссорились.

Из небольшого западного городка огромного СССР ехали в Оптину пустынь, вернее – к ее останкам. Это было время застоя и конец тяжелой и великой эпохи.

Георгий Сергеевич Лызлов, зубной техник и египтолог, человек смертельно больной, подвиг всех к паломничеству.

Оптина – былая слава России и одно из Ее сердец, которое уже не билось... Это был град Китеж, ушедший на дно заколдованного озера. Всё – в прошлом и на Небесах. А они ехали посетить камни, место запустения и надругательства. Но эти камни и земля были святыми. Они хранили память.

Они знали об Оптиной пустыни мало, только то, о чем написал В.Солоухин. Он пытался пробудить память... Это похоже на то, как человек возвращается из комы: он медленно начинает вспоминать, сначала с трудом, как его зовут, и где он живет, и вообще кто он такой. И русские люди начинали вспоминать, что они – православные, и обретать заново самих себя.

Книги о религии при советской системе были были запрещены, и на протяжении трех поколений Партия вытаптывала память у русских людей. А теперь память стала просыпаться. *Время разрушать и время строить; время разбрасывать камни и время собирать камни.*

Георгий Сергеевич стал собирать их, читать Солоухина, показывал чудом сохранившуюся фотографию отца Амвросия – последнего оптинского старца.

И они поехали: Олег Петрович из новообращенных – коммунист, руководитель советского предприятия, Иван Александрович – церковный шофер, возив-

ший архиеереев, его глубоко верующая жена Галина Николаевна и супруга Лызлова Мария Федоровна. Как оказался в этой компании молодой коммунист – непонятно. Любознательность, внутренняя неудовлетворенность или призвание свыше.

Россия – огромная страна. Когда-то в 90-х годах девятнадцатого века Антон Павлович Чехов проехал 11 тысяч километров, трясясь на извозчиках по страшным дорогам, из Петербурга на остров Сахалин.

За прошедшие с тех пор 100 лет и дороги, и транспорт изменились к лучшему. На центральных дорогах регулярно сменялись белые и синие таблички с названиями сел и городков, виднелись небольшие русские домишки, похожие на избы, ухоженные и неухоженные поля. А когда они съехали с главного тракта, стали попадаться совхозы и колхозы «Имени Ильича» и, обязательно, через каждые 30 километров – обезглавленные храмы. Они выходили из машины, обходили их как бы крестным ходом. Молча смотрели, иногда фотографировали... Их не успели похоронить, но «выбили глаза, отрубили голову и руки». Так они и оставались стоять памятниками страданиям и надругательству. У убийц не хватило сил и желания. Это повторялось регулярно. Вся наша страна была испещрена этими памятниками. Бурный сорняк трав около храмов, снесенные бульдозером могилы пресвитеров церквей, обваливающаяся штукатурка, обнажающая кирпичный скелет, стаи вспугнутых птиц, нашедших себе здесь пристанище. Все это говорило о забывчивости, о ненужности и назойливости этой молчаливой юродивой проповеди.

Тоскливо сжималось сердце. Почему? Зачем? Кому они помешали? Как разгул стихии, как извержение вулкана. А люди живут дальше – вот старичок спешит в маленький магазинчик за шкаликом водки и кирпичиком черного, другого здесь и не может быть, ибо тёмно и мрачно в сени разрушенной святыни. Они садятся в машину и молча едут до следующего храма, и так через каждые 30 километров...

Они вызывают недоумение и удивление у местного населения. Кто такие? Чего хотят? Инспекция ли из областного управления, или просто чужие заезжие? И что могут увидеть они в этих развалинах? А они? Плачут и молчат, и едут и едут...

Впереди Оптина. Перед ней – Смоленск с огромным кафедральным собором, стоящим как свеча на верху горы. Он, почти единственный уцелевший – ярко освещает темноту ночи. Рославльские огромные леса. Здесь когда-то поселился отец Федор и его соратники Леонид и Клеопа, здесь в кроткой любви и смирении и в трудном житии полагалось начало оптинскому старчеству. Но Оптина еще да-

леко. Бескрайние просторы долин, холмов, где, поднявшись наверх, видишь вперед на десятки километров. Оптина близится.

Въезжают в Козельск. В последнем оставшемся, еле уцелевшем храме идет отпевание последнего оптинского еле дожившего до этих дней монаха. Он их встречает. Оптина – впереди. Картина та же, что и по всей советской России: все храмы не действуют, некоторые снесены, в одном из уцелевших – местный кинотеатр, на паперти другого – сидят молодые парни и девушки и лузгают семечки, один из них играет на гармонии. На монастырском кладбище нет ни одного надгробия и креста – бульдозеры всё сровняли с землей.

Так некогда поступили с Иерусалимом римляне, но они были оккупантами. А кто же оккупировал нас?

Какие-то старушки около одного храма выложили кирпичиками могилку лежащих здесь старцев, поставили деревянный самодельный крест...

Они идут, фотографируют. За ними наблюдают, ощущение слезки, им становится зябко и не по себе. Встречают местного жителя, расспрашивают. Он рассказывает, ведь сюда приезжают многие, память начинает просыпаться. Маленький, он глядит испуганно, смотрит по сторонам, что-то говорит из истории, и видно, что боится. Оказывается, его уже вызывали в местные «органы», проводили беседу, предупреждали. Но хочется русскому сделать доброе дело наперекор неправде! Это – чувство оставшейся совести. Наша надежда.

Олег Петрович все время думет, впитывает, переживает. Это его – русское, древнее, всеми забытое и оплеванное и ему запрещенное. Он – молодой коммунист и хотел бы строить светлое будущее. Но как? Как можно его строить, когда разрушают прекрасное старое! Здесь наглядно видна ложь коммунизма. Это – идеализм, построенный в головах, но не реализуемый в жизни. Только та идея жизненна и боеспособна, которая совпадает с волей Бога, с законом Вселенной. Временно неправда может восторжествовать, но она паразитирует на правде, топчет могилы и рушит храмы, плюет на традиции и культуру и может удержаться одно (фашизм) или от силы три (коммунизм) поколения. Он это понимает. Они молча ходят по несуществующему кладбищу над головами оптинских старцев.

Как Савл, на дороге в Дамаск осиянный Христом, спрашивает Олег Христа: «Господи, что велишь мне делать?» Каждый сам должен получить от Бога ответ.

В течение трех поколений в этой стране христиан мучили и убивали. В двадцатые годы 20-го века было выкошено священство и епископат. На смену им пришли оставшиеся в живых монахи и диаконы. В тридцатые – перебили и их. То-

гда им на смену выступили новые христовы воины из числа просто благочестивых верующих, которым была небезразлична судьба Церкви. В сороковых годах, несмотря на кажущееся потепление Партии к Церкви, гонения в «смягченном» виде продолжались: расстрелы заменялись каторгой. И в пятидесятых, шестидесятых, семидесятых, восьмидесятых гонение стало более изощренным и скрытым. Агентура, как червь, проникала в чистое церковное Лоно через завербованных ставленников, их руками разрушали и хотели довершить до конца ленинскую идею об «уничтожении церковной мерзости».

Олег тогда не знал этой страшной правды. Правда скрывалась Партией. Но он видел плоды – терния и волчцы, и это было нагляднее, чем полеты в космос или мощная и непобедимая армия.

..В Оптинский скит они шли по тропинке, протоптанной ногами тысяч русских паломников, когда-то ездивших к старцам. Огромные сосны стояли молчаливо и сторожили покой разрушенного скита...

Олег не задавал Георгию Сергеевичу вопросов, хотя многое ему было непонятно. Не хватало знаний по новейшей русской истории, которая в наших ВУЗах сводилась к курсу ВКПб. Не доставало знаний из богословия, истории церкви и литургики (науки о богослужении). Он схватывал объект таким, каким увидел, как бы фотографировал его и складывал в своей памяти.

Почему бóльшая часть из нас проходит мимо развалин и их не замечает? Жизнь влечет нас вперед, наши мозги нашпигованы «новейшими знаниями», а наша воля выдрессирована на подчинение авторитету. Мы не задумываемся о тех, кто строил, жил другой жизнью, обладал другим знанием и верой. Мы загипнотизированы, увлечены, связаны круговой порукой с подобными нам, и этого круга нам не разорвать, не выйти из системы. Мы обречены жить на камнях и развалинах. И это с нами происходит всегда и везде. Достучаться до правды удастся единицам. Во времена Христа это была горстка апостолов и жен-мироносиц; в советское время это были «апостолы человечности», не поддавшиеся на замену совести и милосердия верой в партию. Во времена ожесточения сердец в церковной иерархии – это были истинные последователи Христовы.

Яркое подтверждение одиночества правды – подвиг юродства. Юродивыми были и оптинские старцы. Их пути не понимали многие, старцы вступали в противоречие с жесткой системой формальных правил. Но они наиболее всех восприняли правду жизни, дух Христов.

Олег не мог всего этого высказать Георгию Сергеевичу или другим спутникам, так как еще этого не понимал. А, с другой стороны, у каждого из них была своя платформа знаний, и они были в разных измерениях, хотя, конечно, всех объединяла вера.

Вера – это то чудное качество, которое может соединить почти несоединимое.

...После Оптиной они посетили то, что осталось от Шамордино. Здесь пытались взорвать церковь, но раствор делали на яйцах, и здание просело, а не разрушилось. Кирпичи люди растаскивали для постройки своих домов. Все разломано, загажено и советской власти не пригодилось.

Они шли мимо разрушенного собора, в котором когда-то молилась тысяча монахинь, о которых Толстой сказал, что «все они дуры у одной умной игумении».

– Зачем Амвросий создавал такой большой женский монастырь, – спросил Олег у Лызлова.

– Что-то предчувствовал, только женщины могли заступиться за церковь, так как мужиков убивали.

– Но ведь их тоже разогнали...

– Да, они растворились в народе, были молитвенницами и питательницами церквей и кормилицами оставшихся священников.

Если бы не они, церковь в России закрыли. По писанию – брат брата убивал, но на сестру руку поднимал только мерзавец. Были мерзавцы, но они были в меньшинстве.

В этом городе они были чужими. Олегу это казалось, или было на самом деле. Подозрительно осматривали чужаков в русской глубинке.

По дороге в Оптину чудом избежали аварии. Что это было? Со встречной грузовой машины вдруг сорвался ящик, он летел прямо в лобовое стекло. Иван Александрович резко рванул руль вправо, и ящик пролетел мимо. У всех было ощущение, что кто-то стоял за этим.

Под конец путешествия, когда все уже было позади, чего-то заспорили. Политика была опять виновата. Она вмешивалась в дела Церкви. Иван Александрович говорил, что Михаил не был «красным архиереем», Лызловы наступали, ожесточенно доказывая его приверженность «прекрасной» политике, а Олег, как неофит, не понимал, о чем они говорят, считая архиерея святой иконой церкви.

Перед прибытием в родной город въехали в Нехлюдов – маленький провинциальный городишко. Надо было еще раз переночевать в гостинице.

Никак не могли ее найти. Вроде город небольшой, въезжают на площадь: здание горкома, памятник Ленину, напротив – комитет госбезопасности и улица Шменкеля. Ищут гостиницу, кто-то невнятно объясняет, и опять выезжают к зданию горкома и ГБ, и опять на ул.Шменкеля, и так до трех раз. Наконец, усталые от путешествия и возбужденные от спора все начинают хохотать и спрашивать: а кто такой Шменкель? Оказывается – большевик и «красный» мученик. Вот кто водил их кругами и предупреждал о «безответственности».

Оптина остается в сердце! Она неуничтожима, и они Ее увидели и навсегда запечатлели!

* * *